

УДК 316.1/316.7

В. Л. АБУШЕНКО

КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (МИНСК)

КУЛЬТУРСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ: ДИСЦИПЛИНАРНАЯ РАМКА

Исследуется культурсоциология в контексте общего культурного поворота в социогуманитарном знании. Показана взаимосвязь ее конституирования с постнеклассическим пониманием научной рациональности. Обосновывается выход культурсоциологии за жесткие дисциплинарные рамки: она рассматривается скорее как специфически социологическое видение проблем культуры, чем как предметно локализуемое социологическое знание. Привлекаются возможности трансдисциплинарного анализа для понимания культурного поворота в социогуманитарном знании.

Ключевые слова: культура; социальность; социокультурная реальность; социология; культурсоциология; научная дисциплина; научный подход; междисциплинарность; трансдисциплинарность; постнеклассическое знание; Макс Вебер.

Kultursoziologie is considered in the context of a general «cultural turn» in the socio-humanitarian knowledge. A connection of its constitution with post-non-classical understanding of scientific rationality is shown. Justification of the Kultursoziologie outlet behind of the disciplinary framework is given justification: it is seen rather a specific sociological vision of the problems of culture than a local sociological knowledge. The possibilities of trans-disciplinary analysis for understanding the «cultural turn» in the socio-humanitarian knowledge are made application of.

Key words: culture; sociality; socio-cultural reality; sociology; kultursoziologie; discipline; scientific approach; inter-disciplinarity; trans-disciplinarity; post-non-classical knowledge; Max Weber.

Экспликация проблем культуры в социологии (философский импорт)

Культура, как особая предметность специально организованной философской рефлексии и научного исследования, конструируется достаточно поздно. Более того, введение проблематики культуры в фокус философских и научных анализов растягивается во времени на полтора века – с конца XVIII до начала XX в. Этот процесс мог быть связан с кризисом классического и становлением неклассического философского и научного знания, изменением самих представлений о таких базисных для европейской культуры Нового времени понятиях, как «рациональность», «метод», «истина», «реальность», «знание». Окончательное конституирование и институционализация социальных и гуманитарных научных дисциплин, как и анализ их современного состояния, не могут быть адекватно реконструированы и осмыслены без обращения к специфике освоения ими проблематики культуры.

Возникновение *дискурсов о культуре* непосредственно связано с теми процессами, которые происходили в культурной, социальной и интеллектуальной истории Запада, начиная с попыток практической реализации программ Просвещения (конец XVIII в.) и заканчивая констатацией их исчерпанности и дискредитации в XX в. Возникновение было инспирировано в значительной мере теми *проблемами*, которые возникли и обсуждались в европейской философии того времени и были связаны прежде всего с рефлексией кризиса просвещенческой и классической немецкой

философии и поисками выхода из него. Тотальному пересмотру были подвергнуты практически все концепты философии, принципы универсализма европейских дискурсов и методологические основания философского и научного познания. В итоге были выдвинуты два конкурирующих между собой проекта: *социальной науки* (социологии), опирающейся на позитивизм, как новую философию науки, и *гуманитарной науки*, базирующейся на ревизии наследия классического трансцендентального идеализма. Их столкновение и противоборство во многом и предопределило становление различных дискурсов о культуре.

Само появление социологии в качестве образцовой социальной науки можно рассматривать как реакцию на кризис европейского сознания. *Проект социологии* заявлялся как дисциплинарное научное знание о современном (индустриальном, в более поздней интерпретации – модернистском) обществе, противопоставляемом обществам традиционного и архаического типов. При этом акцент делался на *социальное*, а не *культурное* измерение общества (настолько, насколько их возможно отделить друг от друга). Однако уже в конце XIX – начале XX в. продуктивность этого проекта была поставлена под сомнение, по крайней мере в том его виде, в каком он был заявлен О. Контом. Социология (социальная наука) была расценена как принципиально натуралистически ориентированная по своей сути и позитивистская по своей методологии. При этом онтологические, гносеологические, а самое главное, эпистемологические и методологические основы социологической дисциплинарности ставились под сомнение с позиций гуманитарного проекта, заявленного с опорой на философию, позиционировавшую себя как *культурфилософию*.

При этом речь идет о философии культуры, понимаемой не как специфический вид (само)рефлексии культуры над самой собой и отличаемой в этом качестве от научного знания о ней, а в более узкой ее интерпретации, при которой под философией культуры подразумевается конкретное направление европейской (преимущественно немецкоязычной) мысли конца XIX – первой трети XX в. Тематика и проблематика философии культуры была адекватно обозначена в Марбургской школе неокантианства, а затем развита и конституирована как специфическая философская дисциплинарность Э. Кассирером. Однако сам термин «культурфилософия» (как калька с нем. *Kulturphilosophie*) был введен в широкий оборот неокантианцами баденской школы для обозначения всей линии критического трансцендентального идеализма, идущей от И. Канта. В их понимании интеллектуальная мысль, выходя в область универсального, неизбежно приходит к самоопределению себя в терминах культурфилософской рефлексии (философия и есть философия культуры, и наоборот, философия культуры и есть философия). Ее адекватной реализацией выступают гуманитарные науки, акцентирующие внимание именно на *культурном*, а не *социальном* измерении общества.

Принципиально важными для конституирования научных дискурсов о культуре были результаты самой *неокантианской дискуссии* о специфике знания, получаемого в науках о культуре, и специфике их методов – индивидуализирующих (идеографических) по сравнению с генерализирующими (номотетическими) методами наук о природе. Спор о методах гуманитарного знания породил в социальном знании противопоставление методов и исследовательских стратегий объяснения (ориентированного на факты и законы) и понимания (ориентированного на культурные и жизненные смыслы). Двойственность методов маркировала снятие классической установки на поиск единого, универсального метода в социогуманитарном знании, с одной стороны, и породило (закрепило) и импортировало в различные гуманитарные дисциплинарные проекты противостояние классической и неклассической линий, с другой. Представляется, что данное противостояние стало не только источником периодических кризисов в социологии (как правило, выявляемых внутри нее самой), но и предметом последующего их постнеклассического решения, воплотившегося именно в культурсоциологической подходе.

Культуроориентированная неклассичность классиков

Уже в самой социологической классике можно зафиксировать четкие неклассические интенции. Так, проект социальной науки (социологии) первоначально предлагался О. Контом как противостоящий философской европейской классике и призванный преодолеть кризисные явления в просвещенческой программе. Речь шла не просто о переносе научного метода на новую предметную область – общество, а о выработке новой методологии и переформатировании познания в контексте идеи

«позитивного знания», сменяющего метафизическую стадию познания (как та, в свое время, сменила стадию теологическую). «Позитивное (социальное) знание» реалий нового типа социальности, конституируемой индустриальным обществом (обществом модерна) должно было стать и инструментом, позволяющим эффективно решать встающие перед субъектами деятельности проблемы, снимать ограничения в поступательном, прогрессивном общественном развитии. Эта интенция еще эксплицитнее, чем у О. Конта, была выражена в идее «критического (социального) знания» *К. Маркса*, исходившего из критики капитализма как преходящей общественно-экономической формации, заменяемой в революционных практиках новым бесклассовым типом социума. Основой преобразовательных практик и было призвано стать социальное знание, как инструмент изменения существующего мира.

В образцовой для классической социологии фактуалистической парадигме Э. Дюркгейма проблематика изучения культуры также специально не артикулировалась. Центральным в дюркгеймовской методологии выступал принцип социологизма, ориентировавший исследователей на изучение особой социальной реальности, образуемой социальными фактами, обладающими внешней принудительной силой по отношению к конкретным индивидам. Вторая (методологическая) сторона этого принципа требовала объяснять социальное социальным же, не допуская редукции к какому бы то ни было иному основанию. Вместе с тем современное прочтение дюркгеймовских текстов позволяет говорить о том, что само социальное понималось в них скорее как *социокультурное*. В этом же ключе объясняется интерес Э. Дюркгейма в его *поздних* работах к тематике, которую сегодня отнесли бы к области социологии религии, а шире – и к социологии культуры. Он четко и последовательно удерживал рамку институционального нормативно-функционального анализа социальной реальности, но сама трактовка основной части социальных фактов, связанных с объективацией коллективных представлений, позволяет (при определенной «модернизации» его текстов) рассматривать этот анализ как социокультурный, а тем самым – говорить о латентном присутствии и «взрывном» потенциале проблематики исследования культуры в соответствующих социологических проектах.

Более эксплицитно неклассическая интенция представлена в работах *М. Вебера* и *Г. Зиммеля*, которые наиболее явно для своего времени артикулировали и культуроцентричный вектор социологической науки. Так, *Г. Зиммель* задачу социологии видел в выявлении, классификации, описании и анализе чистых форм социации, организующих социальную жизнь и образующихся через наложение на поток жизни культурных форм. Поэтому в фокусе ее внимания – формальное начало («грамматика») организации и структуризации общественной жизни. При этом исследователь (социолог) исходит из определенного, априорно заданного способа видения. Формы видения организуют различные возможные миры культуры (религия, искусство, философия, наука и др.) с их внутренней уникальной логикой. В свою очередь, сами эти формы видения организуются в соответствии с логикой культуры и ее миров. Сверхцель социологии – изучение форм бытия общества (а не общества как объемлющей формы), поиск ответа на вопрос: «Как возможно общество?» Люди же в обществе объединены общей культурой. Таким образом, определенная *культуро-*, а не *социоцентричность социологии* задается изначально.

Согласно *М. Веберу*, социальное и историческое познание, в отличие от естественных наук, предполагают предшествование объяснению понимание как схватывание субъективно подразумеваемого и переживаемого (на основе определенных ценностей) действующими субъектами смысла («принцип отнесения к ценности» при одновременном следовании «принципу свободы от оценочных суждений»). Дух времени и дух культуры предопределяют познание. В разработанном им понятии идеального типа (как средства социального познания) фиксируется культурный смысл того или иного явления. Материал при этом систематизируется согласно представлению о его близости/далекости идеально-типическому образцу (идеальному типу, репрезентирующему ценность), задаваемому и изменяющемуся в соответствии с духом времени и культуры. Тем самым ценностные абсолюты культуры оказываются исторически преходящими (как и репрезентирующие их идеальные типы), но задающими предельные ориентиры как самой социальной жизни, так и ее познанию. Таким образом, и этой версии анализа исходно присущ определенный *культуроцентризм*.

М. Вебер и Г. Зиммель считаются (особенно после их «ренессансов» в 1970–80-е гг.) бесспорными *основателями* культурсоциологии. Однако с точки зрения реальной истории социологии обозначенная неклассичность (по)знания была далеко не очевидна и изначально, в период институционализации и мировой академической экспансии социологической дисциплинарности, не артикулирована. Потребовался достаточно длительный период развития дисциплины, соотнесение ее проблематики и подходов к ее изучению со знанием, накопленным в иных дисциплинах, чтобы обнаружить ее неклассические основания. При всей своей потенциальной неклассичности социология первоначально строилась на принципах классической науки, установки которой были инкорпорированы в неоклассический проект структурно-функциональной социологии, претендовавший на конструктивное примирение классической и неклассической линий социологического анализа.

Проблемность неоклассического синтеза

В своих работах Т. Парсонс сконструировал особую культурную подсистему общества, закрепив за ней ряд функций интеграционистского характера, необходимых для (вос)производства целостности общественной жизни. В контексте предложенного подхода важно обратить внимание на два момента. Во-первых, Т. Парсонс предложил тезис об автономности культуры, хотя и сузил затем его понимание, рассматривая культуру почти исключительно в рамках отдельной подсистемы общества (а не как его «тотальную» самостоятельную характеристику). Во-вторых, появилась возможность социологического исследования культуры (в рамках подсистемы) как самостоятельного, относительно локализованного проблемного и тематического поля, конкретное методологическое оформление которой было проработано Р. К. Мертоном.

Сама же возможность неоклассической *предметизации культуры* представлена в методологии теорий среднего ранга (уровня) Р. К. Мертона. В ее рамках решалась задача полагания предметных, теоретических и организационных пределов бурно развивающегося социологического знания (сообщества) в интервале между «высокой теорией» Т. Парсонса и «ползучим эмпиризмом» П. Лазарсфельда. Такая предметизация привела фактически к тому, что теории среднего уровня и специальные социологические теории стали слабо различимыми между собой. В последней и была конституирована социология культуры как специальная социологическая (суб)дисциплина. Однако проблема оказалась именно в технологии предложенной *предметной локализации*. Любые версии социологии культуры оказывались узкими для концепта «культура». В них схватывалась или определенная институциональная область, или определенное содержание, которое вполне можно было бы локализовать (не дублируя) в рамках того, что могло быть подвергнуто конституированию (например, социология искусства, социология религии и т. д.).

Вероятно, социологическое видение культуры именно сквозь призму социологии культуры и/или трактовка культуры как общественной подсистемы и привели к достаточно осторожному и критическому отношению представителей других социогуманитарных дисциплин к эвристическим возможностям социологии в области адекватного изучения культуры и ее феноменов. В случае социологии культуры речь идет о произвольности конфигурирования предметной области, в случае парсоновской традиции – о «скольжении по поверхности» культурных феноменов (изучении их объективаций и репрезентаций). Не случайной и едва ли не ключевой для критики такой версии социологического изучения культуры стала демонстрация слабых точек структурно-функциональной теории на примере проблематики модернизации (вестернизации), выявившей ее ограниченность в анализе институциональных механизмов эффективных социальных изменений, не учитывающих социокультурную специфику, что способствовало конституированию теории множественных модерностей и линии вновь актуализированного цивилизационного анализа (Ш. Айзенштадт и др.).

Неудача неоклассического синтеза зафиксировала тем самым снятие установок на построение исчерпывающей универсалистской теории общества. Под сомнение была поставлена имплицитная европоцентрическая установка на непрерывное стабильное прогрессивное развитие на основе технологических новаций и демократической политической матрицы, лежавших в основании неоклассического синтеза. Была осознана невозможность встраивания неклассических элементов в классическую (в целевой плоскости) теоретическую систему, подчиненную интенции сохранения

обновленного и в некоторой степени ослабленного корпуса классических идеалов познания и приложения знания (технократических целей-ценностей). Социология (как, впрочем, и другие области социогуманитарного знания) попала в гносеологический тупик, выходы из которого в это же время разрабатывались в рамках исследований логики и методологии науки, искавших постпозитивистские, постнеклассические основания науки, вступавшей вместе с западной культурой в целом в постиндустриальный (постмодерновый) этап развития.

Постнеклассические основания дисциплинарности культурсоциологии

С 1970-х гг. можно говорить о постнеклассическом этапе развития науки, на котором происходит синхронизация социологии с другими философскими и научными дисциплинами и окончательное формирование и закрепление роли культурсоциологической парадигмальности в социологической дисциплине. Адекватные концептуальные и аналитические средства для описания кардинальных трансформаций социального знания предоставляет различение в современной эпистемологии классического, неклассического (включая неоклассическое) и *постнеклассического* (по)знания (и соответственно, разных типов научной рациональности, предлагающих свои образцы знания). Приемлемая версия для такого различения была разработана В. С. Стёпиным [1] (были и иные исследования).

Остановимся на ключевых моментах различения названных типов научного знания. В концептуальной схеме В. С. Стёпина акцент сделан на том, что современная (постнеклассическая) наука имеет дело со сложными и открытыми самоорганизующимися системами. С точки зрения социального знания здесь нет ничего принципиально нового – уже в своей «классике» оно имело дело с допускающими именно такое распознавание *предметностями*. Однако социологические дискурсы классического и неоклассического типов слабо и недостаточно это артикулировали.

Для социологии (и социального знания в целом) значительно большим эвристическим потенциалом обладает другое принципиальное положение рассматриваемой концептуализации. Речь идет о прослеживаемом движении от объекта «самого по себе» (результат познания соответствует действительности) через признание влияния субъекта на объект (признание зависимости результата от инструмента измерения) к тезису о включенности субъекта в познавательную систему (что всегда ведет к таймированности и локализованности, контекстности получаемого результата) и его аксиологически контролируемой активности как условию работы с рамками многих знаний и рефлексивного управления в сложных самоорганизующихся системах.

Следует заметить, что осознание и принятие этих изначально латентных допущений в дискурсах социальных наук применительно и к своим теоретическим построениям давались исследователям социальной реальности достаточно трудно и весьма растянулись во времени. Тем не менее современная социология, например, достаточно много и всесторонне говорит об условиях своего собственного (вос)производства, необходимости «объективации субъекта объективации» (П. Бурдьё) [2], «наблюдении за наблюдающим» [3], «рефлексивности современного мира» [4] и т. д.

Соответствующая реконструкция, по крайней мере социологического знания, позволяет обнаружить всевозрастающий в теоретических дискурсах переход от обнаруживаемых натуральных объектов в качестве *предмета* научного интереса к полаганию предмета через схватывание «сопротивляющегося» материала посредством оформления его средствами вырабатываемой понятийно-категориальной сетки и языка (языков) описания. Социальное переинтерпретируется как *социокультурное*, укорененное в структурах повседневного мира. Часть социальных теоретиков постмодернистского толка идет еще дальше, рассматривая реальность сквозь призму связи (ре)презентирующих ее концептов, данных в (не)соотносимых друг с другом дискурсах, как символическую и/или текстовую реальность, наделяя социальное статусом квазиреальности, конструируемой и конституируемой в ходе развертывания управленческих, но прежде всего познавательных практик.

Если к сказанному добавить тезис об отказе современной науки от представления об абсолютной познавательной способности (в существовании которой не сомневалось классическое знание), а частично и от уверенности в том, что можно найти и «обустроить» избранные/выделенные/преимущественные и другие «точки наблюдения» (такую позицию сохраняла за собой неоклассическая социология), то вполне обоснованно можно говорить об утрате доверия к привычным *онтологическим*

картинам и гносеологическим установкам. Происходит реальная релятивизация «точек наблюдения», среди которых остается место и для позиции, сохраняющей приверженность «трансцендентальному означаемому», однако она не может больше некритически приниматься как универсалистская (внеконтекстная) и определяться как доминирующая.

Таким образом, поворот к *постнеклассическому* знанию маркирует выход:

- 1) на исследование и/или критику европейской культуры;
- 2) снятие междисциплинарных границ между разными формами знания и дисциплинарностями, порожденными, функционирующими и развивающимися именно внутри определенной культурной целостности (т. е. обусловленными, хотя и по-разному, этой культурой);
- 3) выявление позиции самого субъекта внутри культуры, что-либо утверждающего о ней.

Для современного философского и социогуманитарного знания ничто не может быть адекватно постигнуто (познано) вне тех культурных контекстов, к которым оно имеет (или имело) отношение. По сути, *постнеклассическое* знание (культуросоциология в том числе) переходит на уровень *мультидисциплинарного* и *трансдисциплинарного* анализа культуры, что принципиально переводит изучение последней, ее феноменов и динамики в метатеоретическую плоскость и ориентирует на решение задач стратегического характера, требующих соответствующего проектирования и программирования социальных практик в их нацеленности на конституирование «сегодня» будущих состояний социума.

Недостаточность междисциплинарного решения

Если попытаться сформулировать основной вопрос, выражающий суть новой постановки проблемы, то можно предложить следующую версию: «Как возможно само достоверное знание (в нашем случае – о культуре и обществе) и какова его природа?» Прямой корректный ответ невозможен, так как зависит от выбора «места», с которого он продуцируется. Нарботанные в течение XX в. монодисциплинарные логики выделения «мест» и ответов оказываются недостаточными для анализа «суперфеномена» культуры. В результате какой-либо содержательный *междисциплинарный синтез* «зависает в пустоте» – для его осуществления просто нет «места».

Прежние постановки вопроса не позволили сформулировать удовлетворительный ответ. Однако очевидно, что требуемый знаниевый комплекс нельзя спродуцировать ни в рамках монодисциплины – социологии, культурологии, социальной философии и т. д. (так как отвечать она будет лишь внутренним критериям самой этой дисциплины), ни на путях междисциплинарного синтеза. Еще никто так и не смог ответить, что это такое и каковы критерии его осуществимости (если только речь не идет о формировании новой дисциплины типа физической химии или социальной психологии на междисциплинарной знаниевой границе). В данном случае речь идет, скорее, о привычной риторической фигуре речи с совершенно нечеткими основаниями и содержанием. Если же принять за исходный пункт пронизанность значительной части имеющихся на сегодня теоретических конструктов «пороком монодисциплинарности» (направленностью на жесткое разграничение предметных полей, исследовательских методов и концептуальных схем), то какой-либо междисциплинарный синтез вообще представляется проблематичным. Решение данного вопроса лежит в иной плоскости.

Релевантность трансдисциплинарного подхода (методологическое решение)

Речь никоим образом не идет об обнаружении некоего нового универсального основания для продуцирования социального знания нового поколения или тем более о том, что в культуросоциологии уже предложены некие готовые ответы, которые достаточно лишь услышать. Вероятнее, можно говорить о востребованности и наличии в современном социальном знании рамочной конструкции, позволяющей «производить работы» по *комплексированию* разнородного знания и ориентированной на установление скорее *коммуникативного* консенсуса в широком исследовательском сообществе, чем «отображающего» или «конструирующего» социум. Под этим углом зрения представляется необходимым проведение критической рефлексии разнородных и разновременных наработок в рамках самой культуросоциологии. В конечном счете мы имеем дело не с какой-то особой дисциплинарностью или попыткой комплексирования разных дисциплинарностей, а с формированием особого рода

дискурса, в котором разнородные по своему дисциплинарному происхождению предметности и тематизмы накладываются друг на друга в поле общей (методологически, а не предметно ориентированной) коммуникации.

Культурсоциология в ходе своего развития обнаружила способность к взаимодействию с иначе предметно ориентированными типами знания, что принципиально важно при оценке ее возможностей в качестве рамочной конструкции для продуцирования современной социальной теории. Таким образом, культурсоциология:

1) вполне совместима с антропологически и цивилизационно ориентированными философско-социологическими дискурсами;

2) способна в некоторых отношениях выйти за рамки социокультурной реальности в знаковую (а потенциально и в ментальную) реальность и адекватно описывать их взаимодействие;

3) обладает методологическими средствами (и соответствующими концептуализациями) для обоснования претензии на метатеоретический статус в социальном знании;

4) способна на метауровне построить взаимодействие с социологией знания и социальной эпистемологией;

5) репрезентативна по отношению к постнеклассическому знанию.

Культурсоциология, как трансдисциплинарный проект, маркирует определенный тип постнеклассического социологизирования, метатеоретической социологической подхотности в видении и анализе культуры, чем являет собой некую дисциплинарную и/или парадигмальную целостность, основу которой составляет комплекс методологических идей, соответствующих постнеклассическому научному канону. Данный подход отсылает к видению науки как социокультурной практики, усиливая тем самым исходно присутствовавшее в социологии внимание к *перформативным* характеристикам социального знания (будь то установки позитивного или критического проекта социологии), что приводит к совершенно иному, нежели «прикладизация», пониманию его праксеологии и прагматики. Рассмотрение различных контуров практического употребления знания, включающего параметры функциональной нагруженности, целевого назначения, востребованности и ангажированности, включенности в коммуникативно-дискурсивное пространство, «результативности», эффективности и т. д., постулирует включенность праксисного компонента в исследовательскую деятельность и неизбежную (пассивную или активную, неосознанную или сознательную) включенность и влияние познающего научного субъекта на функционирование социокультурных феноменов.

Обозначенная трансдисциплинарная претензия культурсоциологии не освобождает ее от необходимости предложить широкому кругу различных научных сообществ понятные и эффективные познавательные (методологические) инструменты анализа самых разнообразных (социокультурных) предметностей и проблем, в сеть которых неизбежно вплетен сам научный субъект. От культурсоциологии требуются своеобразная операционализация занимаемой познавательной позиции и демонстрация гносеологической и праксеологической ценности ее результатов. В контексте такой задачи рискнем высказать предположение, что предшествовавшие поколения исследователей в области культурсоциологии не предложили (в силу фокусировки на критике неоклассических версий социологии культуры) и в какой-то мере не были способны предложить такого рода инструменты ввиду исходной (безусловно, оправданной рамками своего времени) «эпистемологической недооснащенности». Важнее, однако, то, что они проработали некоторые подходы и определили наиболее перспективные направления поиска, без которых невозможна предлагаемая нами постановка вопроса о познавательных возможностях культурсоциологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Стёпин В. С. Теоретическое знание. М., 1999.
2. Бурдьё П. Начала. Choses dites / пер. с фр. М. А. Шматко. М., 1994.
3. Луман Н. Общество общества. Часть V. Самоописание / пер. с нем. А. Антоновского [и др.]. М., 2009.
4. Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации / пер И. Тюриной. М., 2005.

Поступила в редакцию 18.05.2015.